

*Метаморфозы,
или Золотой осел*

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Вот я сплету тебе на милетский манер¹ разные басни, слух благосклонный твой порадую лепетом милым, если только сообразишь ты взглянуть на египетский папирус, исписанный острием нильского тростника²; ты подивишься на превращения судеб и самых форм человеческих и на их возвращение вспять, тем же путем, в прежнее состояние. Я начинаю. — Но кто он такой? — спросишь ты. Выслушай в двух словах.

Аттическая Гиметта³, Эфирейский перешеек⁴ и Тенара Спартанская⁵, земли счастливые, навеки бессмертные стяжавшие еще более счастливыми книгами, — вот древняя колыбель нашего рода. Здесь овладел я аттическим наречием, — и оно было первым завоеванием моего детства⁶. Вслед за тем прибыл я, новичок в науках, в столицу Лациума⁷ и с огромным трудом, не имея никакого руководителя, одолел родной язык квиритов⁸.

Вот почему прежде всего я умоляю не оскорбляться, если встретятся в моем грубом стиле чужеземные и простонародные выражения. Но ведь само это чередование наречий соответствует искусству мгновенных превращений, а о нем-то я и собирался написать. Начинаем греческую басню⁹. Внимай, читатель, будешь доволен.

2. Я ехал по делам в Фессалию, так как мать моя родом оттуда, и семейство наше гордится происхождением от знаменитого Плутарха¹⁰ через племянника его Секста-философа¹¹. Ехал я на местной ослепительно-белой лошади, и, когда, миновав горные кручи, спуски в долины, луга росистые, поля возделанные, она уже притомилась, и я, от сидения уставший, не прочь был размять ноги, — я спешил. Я тщательно листьями отираю пот с лошади,

по ушам ее поглаживаю, отпускаю узду и шажком ее проваживаю, пока она усталый желудок обыкновенным и естественным образом не облегчает. И покуда она, наклонив голову набок, искала пищи по лугу, вдоль которого шла, я присоединяюсь к двум путникам, которые шли впереди меня на близком расстоянии, и, покуда я слушаю, о чем идет разговор, один из них, расхохотавшись, говорит: — Уволь от этих басен, таких же нелепых, как и пустых. — Услышав это, я, жадный до всяких новостей, говорю: — Напротив, продолжай! Разрешите и мне принять участие в вашем разговоре: я не любопытен, но хочу знать если не все, то как можно больше, к тому же приятный и забавный рассказ облегчит нам этот крутой подъем.

3. Тот, кто начал, отвечает: — Э! Все эти выдумки так же похожи на правду, как если бы кто стал уверять, будто магическое нашептывание заставляет быстрые реки бежать вспять, море лениво застыть, ветер — лишиться дыханья, солнце — остановиться, луну — покрыться пеной¹², звезды — сорваться, день — исчезнуть, ночь — продлиться.

Тогда я говорю увереннее: — Пожалуйста, ты, который начал рассказ, доканчивай его, если тебе не лень и не надоело. — Потом к другому: — Ты же, заткнув уши и заупрямившись, отвергаешь то, что может быть истинной правдой. Клянусь Геркулесом, ты даже понятия не имеешь, что только предвзятые мнения заставляют нас считать ложным то, что ново слуху, или зрению непривычно, или кажется превышающим наше понимание; если же посмотреть повнимательнее, то обнаружишь, что это все не только для соображения очевидно, но и для исполнения легко.

4. Вот вчера вечером едим мы с товарищем пирог с сыром наперегонки, и хочу я проглотить кусок чуть побольше обычного — как вдруг кушанье, мягкое и липкое, застревает в горле, до того у меня в глотке дыханье сперло — чуть не умер. А между тем недавно в Афинах, у Пестрого портика¹³, я собственными глазами видел, как фокусник глотал острием вниз преострейший кавалерий-

ский меч. Вслед за тем он же за несколько грошей охотничье копьё смертоносным концом воткнул себе в кишки. И вот на окованное железом древко перевернутого копья, из горла фокусника торчавшего, на самый конец его, вскочил миловидный отрок и, к удивлению нас, всех присутствовавших, стал извиваться в пляске, словно был без костей и без жил. Можно было принять все это за узловатый жезл бога врачевания¹⁴ с полуотрубленными сучками, который обвила любовными извивами змея плодородия. Но полно! Докончи, прошу тебя, товарищ, историю, что начал. Я тебе один за двоих поверю и в первой же гостинице угощу завтраком: вот какая награда тебя ожидает.

5. А он ко мне: — Что предлагаешь, считаю справедливым и хорошим, но мне придется начать свой рассказ сызнова. Прежде же поклянись тебе Солнцем, этим всевидящим божеством, что рассказ мой правдив и достоверен. Да у вас обоих всякое сомнение пропадет, как только вы достигнете ближайшего фессалийского города: там об этой истории только и разговору, ведь события происходили у всех на глазах. Но наперед узнайте, откуда я и кто таков. Меня зовут Аристомен, и родом я с Эгины¹⁵. Послушайте также, чем я себе хлеб добываю: объезжаю в разных направлениях Фессалию, Этолию и Беотию с медом, сыром или другим каким товаром для трактирщиков. Узнав, что в Гипате¹⁶, крупнейшем из городов Фессалии, продается по очень сходной цене отличный на вкус свежий сыр, я поспешил туда, собираясь закупить его весь оптом. Но, как часто бывает, в недобрый час я отправился, и надежды на барыш меня обманули. Накануне всё скупил оптовый торговец Луп. Утомленный напрасной поспешностью, направился я было с наступлением вечера в бани.

6. Вдруг вижу я товарища моего Сократа! Сидит на земле, дрянной изорванный плащ только наполовину прикрывает его тело; почти другой человек: бледность и жалкая худоба до неузнаваемости его изменили, и стал он похож на тех пасынков судьбы, что на перекрестках просят милостыню. Хотя я его отлично знал и был с ним

очень дружен, но, видя его в таком состоянии, я усомнился и подошел поближе. — Сократ! — говорю, — что с тобой? Что за вид? Что за плачевное состояние? А дома тебя давно уже оплакивали и по имени оклика́ли¹⁷, как покойника! Детям твоим, по приказу верховного судьи провинции¹⁸, назначены опекуны; жена, помянув тебя как следует, подурневши от непрестанной скорби и горя, чуть не выплакавши глаз своих, уже слышит от родителей побуждения увеселить несчастный дом радостью нового брака. И вдруг ты оказываешься здесь, к нашему крайнему позору, загробным выходцем! — Аристомен, — ответил он, — право же, не знаешь ты коварных уловок судьбы, непрочных ее милостей и все отбирающих превратностей. — С этими словами лицо свое, давно уже от стыда красневшее, заплатанным и рваным плащом прикрыл, так что оставшуюся часть тела обнажил от пупа до признака мужественности. Я не мог дольше видеть такого жалкого зрелища нищеты и, протянув руку, помогаю ему подняться.

7. Но тот, как был с покрытой головой: — Оставь, — говорит, — оставь судьбу насладиться досыта трофеем, который сама себе воздвигла¹⁹. — Я заставляю его идти со мною, немедленно одеваю или, вернее сказать, прикрываю наготу одной из двух своих одежд, которую тут же снял с себя, и веду в баню; там мази и притиранья сам готовлю, старательно соскребаю огромный слой грязи и, вымыв как следует, сам усталый, с большим трудом его, утомленного, поддерживая, веду к себе, постелью грею, пищей ублажаю, чашей подкрепляю, рассказами забавляю.

Уже он склонился к разговору и шуткам, уж раздавались остроты и злословие, пока еще робкое, как вдруг, испустив из глубины груди мучительный вздох и хлопнув яростно правой рукой по лбу: — О, я несчастный! — воскликнул он, — предавшись страсти к гладиаторским зрелищам, уже достаточно прославленным, в какие бедствия впал я! Ведь, как ты сам отлично знаешь, приехав в Македонию по прибыльному делу, которое задержало меня там месяцев на девять, я отправился обратно с хорошим барышом. Я был уже недалеко от Лариссы²⁰ (по

пути хотел я на зрелищах побывать), когда в уединенном глубоком ущелье напали на меня лихие разбойники. Хоть дочиста обобрали — однако спасся. В таком отчаянном положении заворачиваю я к старой, но до сих пор еще видной собой кабатчице Мерое. Ей я рассказываю о причинах и долгой отлучки из дому, и страхов на обратном пути, и злосчастного ограбления. Она приняла меня более чем любезно, даром накормила хорошим ужином и вскоре, побуждаемая похотью, пригласила к себе на кровать. Тотчас делаюсь я несчастным, так как, переспав с ней только разочек, уже не могу отделаться от этой чумы²¹. Все в нее всади: и лохмотья, что добрые разбойники на плечах у меня оставили, и гроши, что я зарабатывал как грузчик, когда еще сила была, — пока эта добрая женщина и злая судьба не довели меня до такого состояния, в каком ты меня только что видел.

8. — Ну, — говорю я, — вполне ты этого заслуживаешь и еще большего, если может быть большее несчастье, раз любострастные ласки и потаскуху потасканную детям и дому предпочел! — Но он, следующий за большим палец ко рту приложив и ужасом пораженный: — Молчи, молчи! — говорит. И озирается, не слышал ли кто. — Берегись, — говорит, — вѣщей жены!²² Как бы невоздержанный язык беды на тебя не накликать! — Еще что! — говорю, — что же за женщина эта владычица и кабацкая царица? — Ведьма, — говорит, — и колдунья: власть имеет небо спустить, землю подвесить, ручьи твердыми сделать, горы расплавить, покойников вывести, богов низвести, звезды загасить, самый Тартар осветить! — Ну тебя! — отвечаю, — опусти трагический занавес и сложи эту театральную ширму²³, говори-ка попросту. — Хочешь, — спрашивает, — об одной, о другой, да что там! — о тьме ее проделок послушать? Воспламенить к себе любовью жителей не только этой страны, но Индии, обеих Эфиопий²⁴, даже самых антихтонов²⁵ — для нее пустяки, детские игрушки! Послушай, однако, что она сделала на глазах у многих.

9. Любовника своего, посмевшего полюбить другую женщину, единым словом она обратила в бобра, так как

зверь этот, когда ему грозит опасность быть захваченным, спасается от погони, лишая себя детородных органов²⁶; она надеялась, что и с тем случится нечто подобное, за то что на сторону понес любовь²⁷. Кабатчика одного соседнего и, значит, конкурента обратила она в лягушку. И теперь этот старик, плавая в своей винной бочке, прежних посетителей своих, из гущи, хриплым и любезным кваканьем приглашает. Судейского одного, который против нее высказался, в барана она обратила, и теперь тот так бараном и ведет дела. А вот еще: жена одного из ее любовников позлословила как-то о ней, а сама была беременна — на вечную беременность осудила она ее, заключив чрево и остановив зародыш. По общему счету, вот уже восемь лет, как бедняжка эта, животом отягощенная, точно слоном собирается разрешиться²⁸.

10. Это последнее злодеяние и зло, которое она многим продолжала причинять, наконец возбудили всеобщее негодование, и было постановлено в один прекрасный день наавтра жестоко отомстить ей, побив камнями, но этот план она заранее расстроила силою заклинаний. Как пресловутая Медея²⁹, выпросив у Креонта только денечек отсрочки, все его семейство, и дочь, и самого старца пламенем, вышедшим из венца, сожгла, — так эта, совершив над ямой³⁰ погребальные моления (как мне сама недавно в пьяном виде рассказывала), с помощью тайного насилия над божествами, всех жителей в их же собственных домах заперла, так что целых два дня не могли они ни замков сбить, ни выломать дверей, ни даже стен пробуравить, пока наконец по общему уговору в один голос не возопили, клянясь священной клятвой, что не только не подымут на нее руки, но придут к ней на помощь, если кто замыслит иное. На этих условиях она смилостивилась и освободила весь город. Что же касается зачинщика всей этой выдумки, то его она в глухую ночь, запертым, как он был, со всем домом — со стенами, самой почвой, с фундаментом, — перенесла за сто верст в другой город, расположенный на самой вершине крутой горы и лишенный поэтому воды. А так как тесно расположенные жилища не давали места новому при-

шельцу, то, бросив дом перед городскими воротами, она удалилась.

11. — Странные, — говорю, — вещи и не менее ужасные, мой Сократ, ты рассказываешь. В конце концов ты меня вогнал в немалое беспокойство, даже в страх, я уже не сомнения ощущаю, а словно удары ножа, как бы та старушонка, воспользовавшись услугами какого-нибудь божества, нашего не узнала разговора. Ляжем-ка поскорее спать и, отдохнув, до света еще уберемся отсюда как можно дальше! — Я еще продолжал свои убеждения, а мой добрый Сократ уже спал и храпел всю, устав за день и выпив вина, от которого отвык. Я же запираю комнату, проверяю засовы, потом приставляю кровать плотно к дверям, чтобы загородить вход, и ложусь на нее. Сначала от страха я довольно долго не сплю, потом, к третьей страже³¹, слегка глаза смыкаться начинают.

Только что заснул, как вдруг с таким шумом, что и разбойников не заподозришь, двери распахнулись, скорее были взломаны и сорваны с петель³². Кроватишка и без того-то коротенькая, хромая на одну ногу и гнилая, от такого напора валится и меня, вывалившегося и лежащего на полу, всего собою прикрывает.

12. Тут я понял, что некоторым переживаниям от природы свойственно приводить к противоречащим им последствиям. Как частенько слезы от радости бывают, так вот и я, превратившись из Аристомена в черепаху, в таком-то ужасе не мог удержаться от смеха. Пока, валяясь в грязи, под прикрытием кровати, смотрю украдкой, что будет дальше, вижу двух женщин пожилых лет. Заженную лампу несет одна, губку и обнаженный меч — другая, и вот они уже останавливаются около мирно спящего Сократа. Начала та, что с мечом: — Вот, сестра Пантия, дорогой Эндимион³³; вот котик мой³⁴, что ночи и дни моими молодыми годочками наслаждался, вот тот, что любовь мою презирал и не только клеветой меня пятнал, но замыслил прямое бегство. А я, значит, как хитрым Улиссом брошенная, вроде Калипсо, буду оплакивать вечное одиночество!³⁵ — А потом, протянув руку и показывая на меня своей Пантии, продолжала: — А вот доб-

рый советчик, Аристомен, зачинщик бегства, что ни жив ни мертв теперь на полу лежит, из-под кровати смотрит на все это и думает безнаказанным за оскорбления, мне нанесенные, остаться! Но я позабочусь, чтобы он скоро, да нет! — сейчас и даже сию минуту понес наказание за вчерашнюю болтовню и за сегодняшнее любопытство!

13. Как я это услышал, холодным потом, несчастный, покрылся, все внутренности затряслись, так что сама кровать от беспокойных толчков на спине моей, дрожа, затанцевала. А добрая Пантия говорит: — Отчего нам, сестра, прежде всего не растерзать его, как вакханкам³⁶, или, связав по рукам и по ногам, не оскотить? — На это Мероя (теперь я отгадал ее имя, так как описания Сократа и в самом деле к ней подходили) отвечает: — Нет, его оставим в живых, чтобы было кому горстью земли покрыть тело этого несчастного. — И, повернув направо Сократову голову, она в левую сторону шеи ему до рукоятки погрузила меч и излившуюся кровь старательно приняла в поднесенный к ране маленький мех³⁷, так чтобы нигде ни одной капли не было видно. Своими глазами я это видел. К тому же (для того, думаю, чтобы ничего не опустить в обряде жертвоприношения) добрая Мероя, запустив правую руку глубоко, до самых внутренностей, в рану и покопавшись там, вынула сердце моего несчастного товарища³⁸. Горло его ударом меча было рассечено, и какой-то звук, вернее, хрип неопределенный из раны вырвался, и он испустил дух. Затыкая эту разверстую рану в самом широком ее месте губкой, Пантия сказала: — Ну ты, губка, бойся, в море рожденная, через реку переправляться!³⁹ — После этого, отодвинув кровать и расставя над моим лицом ноги, они принялись мочиться, пока зловоннейшей мочой меня совсем не залили.

14. Лишь только они переступили порог — и вот уже двери встают в прежнее положение как ни в чем не бывало, петли опять заходили⁴⁰, брусья запоров снова вошли в косяки, задвижки вернулись на свои места. Я же, как был, так и остался на полу, простертый, бездыханный, голый, иззябший, залитый мочой, словно только что появившийся из материнского чрева или, вернее, полу-

мертвый, переживший самого себя, как последыш или, по крайней мере, преступник, для которого уже готов крест⁴¹. — Что будет со мною, — произнес я, — когда утром обнаружится этот зарезанный? Кто найдет мои слова правдоподобными, хоть я и буду говорить правду? «Звал бы, — скажут, — на помощь по крайней мере, если ты, такой здоровенный мужчина, не мог справиться с женщиной! На твоих глазах режут человека, а ты молчишь! Почему же сам ты не погиб при таком разбое? Почему свирепая жестокость пощадила свидетеля преступления и доносчика? Но хотя ты и избег смерти, теперь к товарищу присоединишься».

Подобные мысли снова и снова приходили мне в голову; а ночь близилась к утру. Наилучшим мне показалось до свету выбраться тайком и пуститься в путь, хотя бы ощупью. Беру свою сумку и, вставив в скважину ключ, стараюсь отодвинуть задвижку. Но эти добрые и верные двери, что ночью сами собою раскрывались, только после долгой возни с ключом с великим трудом наконец дали мне дорогу.

15. Я закричал: — Эй, есть тут кто? Откройте мне дворовую калитку: до свету хочу выйти! — Привратник, позади калитки на земле спавший, говорит спросонья: — Разве ты не знаешь, что на дорогах беспокойно — разбойники попадают! Как же так ночью в путь пускаешься? Если у тебя такое преступление на совести, что ты умереть хочешь, так у нас-то головы не тыквы⁴², чтобы из-за тебя умирать! — Недолго, — говорю, — до света. К тому же что могут отнять разбойники у такого нищего путника? Разве ты, дурак, не знаешь, что голого раздеть десяти силачам не удастся? — На это он, засыпая и повернувшись на другой бок, еле языком ворочая, отвечает: — Почем я знаю, может быть, ты зарезал своего товарища, с которым вчера вечером пришел на ночлег, и думаешь спастись бегством? — При этих словах (до сих пор помню) показалось мне, что земля до самого Тартара расселась и голодный пес Цербер готов растерзать меня. Тогда я понял, что добрая Мероя не из жалости меня пощадила и не зарезала, а от жестокости для креста сохранила.

16. Итак, вернувшись в комнату, стал я раздумывать, каким способом лишит себя жизни. Но так как судьба никакого другого смертоносного орудия, кроме одной только моей кровати, не предоставила, то начал я: — Кроватка моя, кроватка, дорогая сердцу моему, ты со мной столько несчастий претерпела, ты по совести знаешь, что ночью свершилось, тебя одну могу на суде я назвать свидетельницей моей невиновности. Мне, в преисподнюю стремящемуся, облегчи туда дорогу! — И с этими словами я отдираю от нее веревку, которая на ней была натянута⁴³; закинув и прикрепив ее за край стропила, который выступал под окном⁴⁴, на другом конце делаю крепкую петлю, влезая на кровать и, на погибель себе так высоко поднявшись, петлю надеваю, всунув в нее голову. Но когда я ногой оттолкнул точку опоры, чтобы под тяжестью тела петля сама затянулась у горла и прекратила мое дыхание, внезапно веревка, и без того уже гнилая и старая, обрывается, и я лечу с самого верха, обрушиваясь на Сократа, что около меня лежал, и, падая, вместе с ним качусь на землю.

17. Как раз в эту минуту врывается привратник, крича во все горло: — Где же ты? Среди ночи приспичило тебе уходить, а теперь храпишь, закутавшись? — Тут Сократ, разбуженный, не знаю уж, падением ли нашим или его неистовым криком, первым вскочил и говорит: — Недаром все постояльцы не терпят этих трактирщиков! Этот нахал вламывается сюда, наверное, чтобы стащить что-нибудь, и меня, усталого, будит от глубокого сна своим ораньем. — Я весело и бодро поднимаюсь, неожиданным счастьем переполненный. — Вот, надежный привратник, мой товарищ, отец мой и брат. А ты с пьяных глаз болтал ночью, что я его убил! — С этими словами я, обняв Сократа, принялся его целовать. Но отвратительная вонь от жидкости, которою меня те ламии⁴⁵ залили, ударила ему в нос, и он с силой оттолкнул меня. — Прочь! — говорит он, — несет как из отхожего места! — И начал меня участливо расспрашивать о причинах этого запаха. А я, несчастный, отделавшись кое-как наспех придуманной шуткой, стараюсь перевести его внимание на другой предмет и, обняв его,

говорю: — Пойдем-ка! Почему бы нам не воспользоваться утренней свежестью для пути? — Я беру свою котомку, и, расплатившись с трактирщиком за постой, мы пускаемся в путь.

18. Мы шли уже довольно долго, и восходящее солнце все освещало. Я внимательно и с любопытством рассматривал шею своего товарища, то место, куда вонзили, как я сам видел, меч. И подумал про себя: «Безумец, до чего же ты напился, если тебе привиделись такие странности! Вот Сократ: жив, цел и невредим. Где рана? Где губка? И где, наконец, шрам, такой глубокий, такой свежий?» Потом, обращаясь к нему, говорю: — Недаром опытные врачи тяжелые и страшные сны приписывают обжорству и пьянству!⁴⁶ Вчера, к примеру, не считал я кубков, вот и была у меня жуткая ночь с ужасными и жестокими сновидениями — до сих пор мне кажется, будто я весь залит и осквернен человеческой кровью! — На это он, улыбнувшись, заметил: — Не кровью, а мочой! А впрочем, мне и самому приснилось, будто меня зарезали. И горло болело, и казалось, само сердце у меня вырывают: даже теперь дух замирает, колени трясутся, шаг нетверд и хочется для подкрепления съесть чего-нибудь. — Вот тебе, — отвечаю, — и завтрак! — С этими словами я снимаю с плеч свою сумку и поспешно протягиваю ему хлеб с сыром. — Сядем, — говорю, — у этого платана.

19. Мы уселись, и я тоже принимаюсь за еду вместе с ним. Смотрю я на него, как он с жадностью ест, и замечаю, что все черты его заостряются, лицо смертельно бледнеет и силы покидают его. Живые краски в его лице так изменились, что мне показалось, будто снова приближаются к нам ночные фурии⁴⁷, и от страха кусочек хлеба, который я откусил, как ни мал он был, застрял у меня в горле и не мог ни вверх подняться, ни вниз опуститься. Видя, как мало на дороге прохожих, я все больше и больше приходил в ужас⁴⁸. Кто же поверит, что убийство одного из двух путников произошло без участия другого? Между тем Сократ, наевшись до отвала, стал томиться нестерпимой жаждой. Ведь он сожрал добрую половину

превосходного сыра. Невдалеке от платана протекала медленная река, вроде тихого пруда, цветом и блеском похожая на серебро или стекло. — Вот, — говорю, — утоли жажду молочной влагой этого источника. — Он поднимается, быстро находит удобное местечко на берегу, становится на колени и, наклонившись, жадно тянется к воде. Но едва только краями губ коснулся он поверхности воды, как рана на шее его широко открывается, губка внезапно из нее выпадает, и вместе с нею несколько капель крови. Бездыханное тело полетело бы в воду, если бы я его, удержав за ногу, не вытянул с трудом на высокий берег, где, наскоро оплавав несчастного спутника, песчаной землею около реки навеки его и засыпал. Сам же, в ужасе, трепеща за свою безопасность, разными окольными и пустынными путями, я убегаю и, словно действительно у меня на совести убийство человека, отказываюсь от родины и родимого дома, приняв добровольное изгнание. Теперь, снова женившись, я живу в Этолии⁴⁹.

20. Вот что рассказал Аристомен.

Но спутник его, который с самого начала с упорной недоверчивостью относился к рассказу и не хотел его слушать, промолвил: — Нет ничего баснословнее этих басен, нелепее этого вранья! — Потом, обратившись ко мне: — И ты, по внешности и манерам образованный человек, веришь таким басням? — Я, по крайней мере, — отвечаю, — ничего не считаю невозможным, и, по-моему, все, что решено судьбою, со смертными и совершается. И со мною ведь, и с тобою, и со всяким часто случаются странные и почти невероятные вещи, которым никто не поверит, если рассказать о них неиспытавшему. Но я этому человеку и верю, клянусь Геркулесом, и большой благодарностью благодарен за то, что он доставил нам удовольствие, позабавив интересной историей: я без труда и скуки скоротал тяжелую и длинную дорогу. Кажется, даже лошадь моя радуется такому благоденствию: ведь до самых городских ворот я доехал, не утруждая ее, скорее на своих ушах, чем на ее спине.

21. Тут пришел конец нашему пути и вместе с тем разговорам, потому что оба моих спутника свернули налево

к ближайшей усадьбе, а я, войдя в город, подошел к первой попавшейся мне на глаза гостинице и тут же начал расспрашивать старуху-хозяйку: — Не Гипата ли, — говорю, — этот город? — Подтвердила. — Не знаешь ли Милона, одного из первых здесь людей? — Рассмеялась. — И вправду, — говорит, — первейшим гражданином считается здесь Милон: ведь дом его первый из всех — по ту сторону городских стен стоит. — Шутки в сторону, добрая тетушка, скажи, прошу тебя, что он за человек и где обитает? — Видишь, — говорит, — крайние окна, что на город смотрят, а с другой стороны, рядом, ворота в переулок выходят? Тут этот Милон и обитает, набит деньгами, страшный богатей, но скуп донельзя, и всем известен как человек преподлый и прегрязный, больше всего ростовщицеством занимается, под залог золота и серебра проценты большие дерет; одной наживе преданный, заперся он в своем домишке и живет там с женой, разделяющей с ним его несчастную страсть. Только одну служаночку держит⁵⁰ и ходит всегда, как нищий. — На это я, рассмеявшись, подумал: вот так славную и предусмотрительную мой Демей дал мне в дорогу рекомендацию. К такому человеку послал, в гостеприимном доме которого нечего бояться ни чада, ни кухонной вони.

22. Дом был рядом, приближаюсь я ко входу и с криком начинаю стучать в накрепко закрытую дверь. Наконец является какая-то девушка. — Эй ты, — говорит, — что в двери барабанишь? Под какой залог взаймы брать хочешь? Один ты, что ли, не знаешь, что, кроме золота и серебра, у нас ничего не принимают? — Взаймы? Ну, нет, пожелай мне, — говорю, — чего-нибудь получше и скорее скажи, застану ли дома твоего хозяина? — Конечно, — отвечает, — а зачем он тебе нужен? — Письмо я принес ему от Демей из Коринфа⁵¹. — Сейчас доложу, — отвечает, — подожди меня здесь. — С этими словами заперла она снова двери и ушла внутрь. Через несколько минут вернулась и, открыв двери, говорит: — Просят.

Вхожу, вижу, что хозяин лежит на диванчике и собирается обедать. В ногах сидит жена⁵² и, указав на пустой стол: — Вот, — говорит, — милости просим. — Прекрас-

но, — отвечаю я и тут же передаю хозяину письмо Демей. Пробежав его, он говорит: — Спасибо моему Демее, какого гостя он мне послал! 23. С этими словами он велит жене уступить мне свое место. Когда же я отказываюсь из скромности, он, схватив за полу: — Садись, — говорит, — здесь других стульев у меня нет, боязнь воров не позволяет нам приобретать утварь в достаточном количестве. — Я исполнил его желание. Тут он: — И по изящной манере держаться, и по этой почти девической скромности заключил бы я, что ты благородного корня отпрыск, и, наверное, не ошибся бы. Да и Демей мой в своем письме это же самое сообщает. Итак, прошу, не презирай скупость нашей лачужки. Вот эта комната рядом будет для тебя вполне приличным помещением. Сделай милость — остановись у нас. Честь, которую ты окажешь моему дому, возвеличит его, и тебе будет случай последовать славному примеру: удовольствуясь скромным очагом, ты в добродетели будешь подражать Тезею, знаменитому тезке твоего отца, который не пренебрег простым гостеприимством старой Гекалы⁵³. — И, позвавши служаночку, говорит: — Фотида, прими вещи гостя и сложи их бережно в ту комнату. Потом принеси из кладовой масла для натирания, полотенце утереться и все прочее и своди моего гостя в ближайшие бани, — устал он после такого дальнего и трудного пути. 24. Слушая эти распоряжения, я подумал о характере и скупости Милона и, желая теснее с ним сблизиться, говорю: — У меня все есть, что нужно в пути. И бани я легко сам найду. Всего важнее, чтобы лошадь моя, что так старалась всю дорогу, не осталась голодной. Вот, Фотида, возьми эти деньжонки и купи овса и сена.

После этого, когда вещи уже были сложены в моей комнате, сам я отправляюсь в баню, но прежде надо о еде позаботиться, и я иду на рынок за продуктами. Вижу — выставлена масса прекрасной рыбы. Стал торговаться — вместо ста нуммов уступили за двадцать денариев⁵⁴. Я уже собирался уходить, как встречаю своего товарища Пифия, с которым вместе учился в аттических Афинах. Сначала он довольно долго не узнает меня, потом бросается ко мне,

обнимает и осыпает поцелуями. — Луций мой! — говорит, — как долго мы не видались, право, с самого того времени, как расстались с Клитием, учителем нашим. Что занесло тебя сюда? — Завтра узнаешь⁵⁵, — говорю, — но что это? Тебя можно поздравить? Вот и ликторы⁵⁶, и розги, — ну, словом, весь чиновный прибор!.. — Продовольствием занимаемся, — отвечает, — исполняем обязанности эдила⁵⁷. Если хочешь закупить что, могу быть полезен. — Я отказался, так как уже достаточно запасаюсь рыбой на ужин. Тем не менее Пифий, заметив корзинку, стал перетряхивать рыбу, чтобы лучше рассмотреть ее, и спрашивает: — А это дрянцо почему брал? — Насилу, — говорю, — уломал рыбака уступить мне за двадцать денариев. 25. Услышав это, он тотчас схватывает меня за правую руку и снова ведет на рынок. — А у кого, — спрашивает, — купил ты эти отбросы? — Я указываю на старикашку, что в углу сидел. Тут же он на того набросился и стал грубейшим образом распекать его по-эдилски: — Так-то обращаетесь вы с нашими друзьями, да и вообще — со всеми приезжими! Продаете паршивых рыб по такой цене! До того этот город, цвет Фессалийской области, доведете, что опустеет он, как скала! Но даром вам это не пройдет! Узнаешь ты, как под моим началом поступают с мошенниками! — И, высыпав из корзинки рыбу на землю, велел он своему помощнику стать на нее и всю ее растоптать ногами. Удовольствовавшись такою строгостью нравов, мой Пифий разрешает мне уйти и говорит: — Мне кажется, мой Луций, для старикашки достаточное наказание такой позор!

Изумленный и прямо-таки ошеломленный этим происшествием, направляюсь я к баням, лишившись, благодаря остроумной выдумке моего энергичного товарища, и денег, и ужина. Вымывшись, возвращаюсь я в дом Милона и прямо прохожу в свою комнату.

26. Тут Фотида, служанка, говорит: — Зовет тебя хозяин. — Зная уже Милонову умеренность, я вежливо извиняюсь, что, мол, дорожная усталость скорее сна, чем пищи, требует. Получив такой ответ, он сам является и, обняв меня, тихонько увлекает. Я то отговариваюсь, то скромно упираюсь. — Без тебя, — говорит, — не выйду, — и клят-

вой подтвердил эти слова. Я нехотя повинуюсь его упрямству, и он снова ведет меня к своему диванчику и, усадив, начинает: — Ну, как поживает наш Демея? Что жена его, что дети, домочадцы?⁵⁸ — Рассказываю по отдельности обо всех. Расспрашивает подробно о целях моего путешествия. Все обстоятельно ему рассказываю. Тщательнейшим образом тогда разузнает он о моем родном городе, о самых знатных его гражданах, а под конец даже о нашем правителе⁵⁹, пока не заметил, что, сильно измученный трудной дорогой, я утомился долгим разговором и засыпаю посреди фразы, бормоча что-то невнятное, и не отпустил меня в спальню. Так избавился я от мерзкого старика с его болтливым и голодным угощением, отягченный сном, не пищею, поужинав одними баснями. И, вернувшись в комнату, я предался желанному покою.

КНИГА ВТОРАЯ

1. Как только ночь рассеялась и солнце новый день привело, расстался я одновременно со сном и с постелью. И вообще-то я человек беспокойный и неумеренно жадный до всего редкостного и чудесного, а теперь при мысли, что я нахожусь в сердце Фессалии, единогласно прославленной во всем мире как родина магического искусства¹, держа в памяти, что история, рассказанная добрым спутником Аристоменом, начинается с упоминания об этом городе, я с любопытством оглядывал все вокруг, возбужденный желанием, смешанным с нетерпением. Вид любой вещи в городе вызывал у меня подозрения, и не было ни одной, которую я считал бы за то, что она есть. Все мне казалось обращенным в другой вид губительными нашептываниями. Так что и камни, по которым я ступал, казались мне окаменевшими людьми; и птицы, которым внимал, — тоже людьми, но оперенными; деревья вокруг городских стен — подобными же людьми, но покрытыми листьями; и ключевая вода текла, казалось, из человеческих тел. Я уже ждал, что статуи и картины начнут ходить, стены говорить, быки и прочий скот прорицать и с самого неба, со светила дневного, внезапно раздастся предсказание.

2. Так все обзираю я, пораженный, и только что чувств не лишаюсь от мучительного любопытства, но не вижу никакого признака близкого осуществления моих ожиданий. Брожу я, как праздный бездельник, от двери к двери² и незаметно для себя прихожу на рынок. Тут, ускорив шаг, догоняю какую-то женщину, окруженную многочисленными слугами. Золото, которым были оправлены ее драгоценности и заткана ее одежда, без сомнения,

выдавало знатную матрону. Бок о бок с ней шел старик³, обремененный годами, который, как только увидел меня, воскликнул: — Клянусь Геркулесом, это Луций! — поцеловал меня и тотчас зашептал что-то, не знаю что, на ухо матроне. — Что же, — говорит он мне, — ты сам не подойдешь и не поздороваяешься со своей родственницей? — Я не смею, — говорю, — здороваться с женщинами, которых не знаю. — И тотчас, покраснев, я опустил голову и отступил. Но та, остановив на мне свой взор, начала: — Вот она, благородная скромность добродетельной Сильвии, его матери, да и во всем его облике поразительное, точнейшее с нею сходство: соразмерный рост, стройность без худобы, румянец, не слишком яркий, светлые, от природы вьющиеся волосы, глаза голубые, но зоркие и блестящие — ну прямо как у орла, лицо — откуда ни посмотри — цветник юности, чарующая и свободная поступь⁴. 3. Я, мой Луций, — продолжала она, — тебя воспитала вот этими самыми руками. Да как же иначе? Я не только родственница, я — молочная сестра твоей матери. Обе мы из рода Плутарха, одна у нас была кормилица, и выросли мы вместе, как две сестры; разница между нами только в положении: она вышла замуж за очень знатного человека, я — за скромного. Я — та Биррена, имя которой, частенько повторяемое твоими воспитателями, наверное, ты запомнил. Прими же доверчиво мое гостеприимство, или, вернее, считай мой дом своим.

Я, перестав краснеть во время этой речи, отвечаю: — Не годится, тетушка, отказываться от гостеприимства Милона без всякого повода. Но я буду посещать тебя так часто, как позволят дела⁵. В другой раз, сколько бы сюда ни приезжал, кроме тебя, ни у кого не остановлюсь. — Обмениваясь такими речами, через несколько шагов мы оказались возле дома Биррены.

4. В прекраснейшем атриуме, в каждом из четырех его углов поднималось по колонне, украшенной изображением богини с пальмовой ветвью⁶. Распустив крылья, богини оставались неподвижны; чудилось, что, едва касаясь нежной стопой шаткой опоры — катящегося шара,

они лишь на мгновение застыли на нем и готовы уже вновь подняться в воздух. Самую середину комнаты занимала Диана из паросского камня, превосходной работы, с развевающимися одеждами, в стремительном движении навстречу входящим, внушая почтение своим божественным величием. С обеих сторон сопровождают ее собаки, тоже из камня. Глаза грозят, уши насторожены, раздуты ноздри, зубы оскалены. Если где-нибудь поблизости раздастся лай, подумаешь, он из каменных глоток исходит. Мастерство превосходного скульптора выразилось больше всего в том, что передние лапы у собак взметнулись в воздух вместе с высоко поднятой грудью и как будто бегут, меж тем как задние опираются на землю. За спиной богини высилась скала в виде грота, украшенная мхом, травой, листьями, ветками, тут — виноградом, там — растущим по камням кустарником. Тень, которую бросает статуя внутрь грота, рассеивается от блеска мрамора. По краю скалы яблоки и виноград висели, превосходно сделанные, в правдивом изображении которых искусство соперничало с природой. Подумаешь, их можно будет сорвать для пищи, когда зрелым цветом ожелтит их осень в пору сбора винограда. Если наклонишься к ручейку, который, выбегая из-под ног богини, журчал звонкой струей, поверишь, что этим гроздьям, кроме прочей правдоподобности, придана и трепещущая живость движения, как будто они свисают с настоящей лозы. Среди ветвей — Актеон, высеченный из камня; наполовину уже превращенный в оленя, смотрит он внимательно на богиню, подстерегая, когда Диана начнет купаться⁷, и его отражение видно и в мраморе грота, и в бассейне.

5. Пока я не отрываясь гляжу на это, получая огромное наслаждение, Биррена говорит: — Все, что видишь, — твое. — С этими словами она всех высылает, желая поговорить со мной наедине. Когда все ушли, она начинает: — Эта богиня⁸ — порука, Луций дражайший, как я тревожусь и боюсь за тебя и как хочу, словно родного сына, избавить тебя от опасности. Берегись, ой, берегись злого искусства и преступных чар этой Памфилы, жены

Милона, который, говоришь, твой хозяин. Первой ведьмой она считается и мастерицей заклинать души умерших⁹. Нашепчет на палочку, на камешек, на какой другой пустяк¹⁰, и весь звездный свод в Тартар низринет и мир погрузит в древний хаос. Как только увидит юношу красивой наружности, тотчас пленяется его прелестью и приковывается к нему душой и взором. Обольщает его, овладевает его сердцем, навеки связывает узами ненасытной любви. Если же кто воспротивится и пренебрежет ею, тотчас обращает в камень, в скотину, в любого зверя или же совсем уничтожает. Вот почему я трепещу от страха за тебя и советую тебе остерегаться. Она непрестанно томится похотью, а ты по возрасту и красоте ей подходишь. — Так Биррена со мной взволнованно беседовала.

6. А я, и так полный любопытства, лишь только услышал давно желанное слово «магическое искусство», как, вместо того чтобы избегать козней Памфилы, всюю душой стал стремиться за любую цену отдать себя ей под начало, готовый стремглав броситься в бездну. Вне себя от нетерпения, я вырываюсь из рук Биррены, как из оков, и, наскоро сказав: — Прости! — лечу с быстротой к дому Милона. Ускоряя шаги, как безумный: — Действуй, Луций, — говорю сам себе, — не зевай и держись! Вот тебе желанный случай, теперь можешь насытиться давно ожидаемыми чудесными сказками! Отбрось детские страхи, смело и горячо берись за дело, но от объятий твоей хозяйки воздержись и считай священным ложе честного Милона! Однако надо особенно постараться насчет служанки Фотиды. Она ведь и лицом привлекательна, и нравом резва, и на язык очень остра. Вчера вечером, когда ты падал от сна, как заботливо проводила она тебя в спальню, уложила ласково на постель, хорошо и так любовно укрыла и, поцеловав тебя в лоб, всем видом своим показав, с какой неохотой уходит, наконец удалилась, столько раз оборачиваясь и оглядываясь! Что ж, в добрый час¹¹, будь что будет, попытаю счастья с Фотидой! 7. Так рассуждая, достиг я дверей Милона, голосуя, как говорится, за свое предложение¹². Но не нахожу дома ни Милона, ни его жены, только дорожную мою Фотиду. Она готовила

хозяевам колбасу, набивая ее мелко накрошенной начинкой, и мясо небольшими кусочками... * Даже издали носом слышу я вкуснейший запах этого кушанья¹³. Сама она, опрятно одетая в полотняную тунику, высоко, под самые груди ярким красным поясом опоясанная, цветущими ручками размешивала стряпню в горшке, круговое движение это частыми вздрагиваниями сопровождая; всем членам передавалось плавное движение, едва заметно бедра трепетали, гибкая спина слегка сотрясалась и волновалась прелестно. Пораженный этим зрелищем, я остолбенел и стою, удивляясь; восстали и члены мои, пребывавшие прежде в покое. Наконец обращаюсь к ней: — Как прекрасно, как мило, моя Фотида, трясешь ты этой кастрюлькой и ягодицами! Какой медвяный соус готовишь! Счастлив и трижды блажен, кому ты позволишь хоть пальцем к нему прикоснуться! — Тогда девушка, столь же развязная, сколь прекрасная: — Уходи, — отвечает, — уходи, бедняжка, подальше от моего огня! Ведь если малейшая искра моя тебя зажжет, сгоришь дотла. Тогда, кроме меня, никто твоего огня не угасит, я ведь не только кастрюли, но и ложе сладко трясти умею!

8. Сказав это, она на меня посмотрела и рассмеялась. Но я не раньше ушел, чем осмотрев ее всю. Впрочем, что говорить об остальном, когда все время интересовало меня только одно — лицо и волосы: на них смотрел я сначала во все глаза при людях, ими наслаждался потом у себя в комнате. Причина такого моего предпочтения ясна и понятна, ведь эта видная часть тела всегда открыта и первая предстает нашим взорам, и чем для остального тела служат расцвеченные веселым узором одежды, тем для лица волосы — природное его украшение. Наконец, многие женщины, чтобы доказать прелесть своего сложения, всю одежду сбрасывают или платье приподнимают, являя нагую красоту, предпочитая розовый цвет кожи золотому блеску одежды. Но если бы (ужасное предположение, да сохраняют нас боги от малейшего намека на его осуществление!), если бы у самых прекраснейших

* Текст испорчен.

женщин снять с головы волосы и лицо лишит природной прелести, то пусть будет с неба сошедшая, морем рожденная, волнами воспитанная, пусть, говорю, будет самой Венерой, хором граций¹⁴ сопровождаемой, толпой купидонов сопутствуемой, поясом своим опоясанной¹⁵, киннамоном¹⁶ благоухающей, бальзам¹⁷ источающей, — если плешива будет, даже Вулкану своему¹⁸ понравиться не сможет.

9. Что же скажешь, когда у волос цвет приятный, и блестящая гладкость сияет, и под солнечными лучами мощное они испускают сверканье или спокойный отблеск и меняют свой вид с разнообразным очарованием: то, златом пламенея, погружаются в нежную медвяную тень, то вороньей чернотой соперничают с темно-синим оперением голубиных горлышек? Что скажешь, когда, аварийскими смолами умащенные, тонкими зубьями острого гребня на мелкие пряди разделенные и собранные назад, они привлекают взоры любовника, отражая его изображение, наподобие зеркала, но гораздо милее? Что скажешь, когда, заплетенные во множество кос, они громоздятся на макушке или, широкой волною откинутые, спадают по спине? Одним словом, прическа имеет такое большое значение, что в какое бы золотое с драгоценностями платье женщина ни оделась, чем бы на свете ни разукрасилась, если не привела она в порядок свои волосы, убранной назваться не может¹⁹.

Но Фотиде моей не замысловатый убор, а естественный беспорядок волос придавал прелесть, так как пышные локоны ее, слегка распущенные и свисающие с затылка, рассыпались вдоль шеи и, чуть-чуть завиваясь, лежали на кайме туники; на концах они были собраны, а на макушке стянуты узлом.

10. Дольше не смог я выдержать такой муки жгучего вождения и, приникнув к ней в том месте, откуда волосы у нее зачесаны были на самую макушку, сладчайший поцелуй запечатлел. Тут она, отстранившись немного, обернулась ко мне и, искоса взглянув на меня лукавым взором, говорит: — Эй ты, школьник! за кисло-сладкую закуску хватаешься. Смотри, как бы, объевшись медом,

надолго желчной горечи не нажить! — Что за беда, — говорю, — моя радость, когда я до того дошел, что за один твой живительный поцелуйчик готов изжариться, растянувшись на этом огне! — И с этими словами, еще крепче ее обняв, принялся целовать. И вот она уже соревнуется со мною в страсти и равную степень любви по-братски разделяет, вот уже, судя по благовонному дыханию полуоткрытого рта, по ответным ударам сладостного языка, упоенная вожделением, готова уже уступить ему. — Погибаю, — воскликнул я, — и погиб уже совершенно, если ты не сжалишься надо мной. — На это она, опять меня поцеловав, говорит: — Успокойся. Меня сделало твоео взаимное желание, и утехи наши откладываются ненадолго. Чуть стемнеет, я приду к тебе в спальню. Теперь уходи и соберись с силами, ведь я всю ночь напролет буду с тобой бороться крепко и от души.

11. Долго еще обменивались мы такими и тому подобными словами и наконец разошлись. Только что наступил полдень, как Биррена в гостинец²⁰ мне прислала жирную свинку, пяток курочек и большой кувшин превосходного старого вина. Я кликнул тогда Фотиду и говорю: — Вот к тому же и Либер²¹ прибыл, оруженосец и побудитель Венеры. Сегодня же высосем до дна это вино, чтобы оно заставило исчезнуть стыдливую немочь и силу веселую придало страсти. Ведь на Венерином корабле такие только припасы требуются, чтобы на бессонную ночь в лампе достаточно было масла, в чаше — вина.

Остаток дня посвящен был бане и, наконец, ужину. По приглашению доброго Милона я разделил с ним вполне приличную трапезу и старался, памятуя наставления Биррены, как можно реже попадаться на глаза его супруге, отвращая свои взгляды от ее лица, будто от страшного Авернского озера²². Но, наблюдая без устали за прислуживающей Фотидой, я несколько приободрился, как вдруг Памфила, взглянув на зажженную лампу, говорит: — Какой сильный ливень будет завтра! — и на вопрос мужа, откуда это ей известно, отвечает, что это лампа ей предсказала²³. На эти слова Милон, расхохотавшись, говорит: — Великую Сивиллу²⁴ мы держим в этой лампе,

что с высоты своей подставки наблюдает за всеми небесными делами и за самим солнцем.

12. Тут я вступил в разговор и заявляю: — Это только первые шаги в подобного рода прорицаниях, и нет ничего удивительного, что огонечек этот, хоть и скромн и человеческими руками зажжен, помнит все же о том великом небесном огне, как о своем родителе; божественный ясновидец, он и сам знает, и нам возвещает, что собирается свершить этот великий огонь²⁵. Да вот и теперь у нас в Коринфе гостит проездом некий халдей²⁶, который своими удивительными ответами весь город сводит с ума и деньги зарабатывает, открывая кому угодно тайну судьбы: в какой день вернее всего заключать браки, в какой крепче всего постройки закладывать, какой для торговых сделок сподручнее, какой для путешествия посуху удобнее, какой для плаванья благоприятнее. Вот и мне, когда я задал ему вопрос, чем окончится мое путешествие, он насказал много удивительнейших и разнообразных вещей; сказал, что и слава цветущая меня ожидает, и великие приключения невероятные, которые в книги попадут.

13. Ухмыльнувшись на это, Милон говорит: — А каков с виду этот халдей и как его звать? — Длинный, — отвечаю, — и черноватенький. Диофан по имени. — Он самый! — воскликнул. — Никто иной! Он и у нас подобным же образом многое многим предсказывал за немалые деньги и, больше того, добившись уже отличных доходов, впал, несчастный, в убожество, даже можно сказать, в ничтожество²⁷.

В один прекрасный день, когда народ тесным кольцом обступал его и он давал предсказания вокруг стоявшим, подошел к нему некий купец, по имени Кердон²⁸, желая узнать день, благоприятный для отплытия. Тот ему уже день указал, уже кошелек появился на сцену, уже денежки высыпали, уже отсчитали сотню денариев — условленную плату за предсказание, как вдруг сзади протискивается какой-то молодой человек знатного рода, хватает его за полу, а когда тот обернулся, обнимает и крепко-крепко целует. А халдей, ответив на его поцелуи, усадил

рядом с собою и, ошеломленный неожиданностью встречи, забыв о деле, которым был занят в тот момент, говорит ему: — Когда же прибыл ты сюда, долгожданный? — А тот другой отвечает на это: — Как раз с наступлением вечера. А теперь расскажи-ка ты, братец, каким образом держал ты путь морем и сушей с тех пор, как поспешно отплыл с острова Эвбеи? 14. На это Диофан, этот замечательный халдей, не совсем еще придя в себя от изумления, говорит: — Врагам и неприятелям всем нашим пожелал бы я такого сурового, поистине Улиссова странствия! Ведь корабль наш, на котором мы плыли, потрепанный разными вихрями и бурями, потерял оба кормила²⁹, был прибит к противоположному берегу и, натолкнувшись на скалу, быстро пошел ко дну, так что мы, потеряв все, едва выплыли. Что удалось нам сберечь благодаря ли состраданию незнакомых людей или благосклонности друзей, все это попало в руки разбойников, а брат мой единственный, Аригнот, вздумавший противостоять их наглости, на глазах у меня, бедняга, был зарезан.

Пока он вел этот плачевный рассказ, купец тот, Кердон, забрав свои деньги, предназначавшиеся в уплату за предсказание, немедленно убежал. И только тогда Диофан, опомнившись, понял, какой промах своим неблагодарным дал он, когда наконец увидел, что все мы, кругом стоявшие, разразились громким хохотом.

Но конечно, тебе, Луций, господин мой, одному из всех, халдей этот сказал правду. Да будешь ты счастлив и путь твой да будет благополучен!

15. Пока Милон таким образом пространно разглагольствовал, я молча томился и порядочно злился, что из-за болтовни, по моей вине так некстати затянувшейся, лишусь я доброй части вечера и лучших его плодов. Наконец, отложив в сторону робость, говорю я Милону: — Предоставим этого Диофана его судьбе, и пусть он снова дерет с людей шкуру, где ему угодно, на море или на суше; я же, по правде сказать, до сих пор еще не оправился от вчерашней усталости, так что ты разреши мне пораньше лечь спать. — Сказано — сделано, я добираюсь

до своей комнаты и нахожу там все приготовленным для весьма приятной пирушки. И слугам³⁰ были посланы постели как можно дальше от дверей, для того, как я полагаю, чтобы удалить на ночь свидетелей нашей возни, и к кровати моей был пододвинут столик, весь уставленный лучшими остатками от ужина, и большие чаши, уже наполовину наполненные вином, только ждали, чтобы в них долили воды³¹, и рядом бутылка с отверстием, прорубленным пошире, чтобы удобнее было зачерпывать³², — словом, полная закуска перед любовной схваткой.

16. Не успел я лечь, как вот и Фотида моя, отведа уже хозяйку на покой, весело приближается, неся в подоле ворох роз и розовых гирлянд. Крепко расцеловав меня, опутав веночками и осыпав цветами, она схватила чашу и, подлив туда теплой воды, протянула мне, чтобы я пил, но раньше, чем я осушил ее всю, нежно взяла обратно и, понемногу потягивая губками, не сводя с меня глаз, маленькими глоточками сладостно dokonчила. За первым бокалом последовал другой и третий, и часто чаша переходила у нас из рук в руки; тут я, вином разгоряченный, и не только душой, но и телом, к сладострастию готовым, чувствуя беспокойство, весь во власти необузданного и уже мучительного желания, наконец приоткрыл свою одежду и, показывая своей Фотиде, с каким нетерпением жажду я любви, говорю: — Сжался, скорей приди мне на помощь! Ведь ты видишь, что пылко готовый к близкой уже войне, которую ты объявила мне без законного предупреждения³³, едва получил я удар стрелы в самую грудь от жестокого Купидона, как тоже сильно натянул свой лук, и теперь страшно боюсь, как бы от чрезмерного напряжения не лопнула тетива. Но если ты хочешь совсем угодить мне — распусти косы и подари мне свои желанные объятия под покровом струящихся волною волос.

17. Без промедления, быстро убрав посуду, сняв с себя все одежды, распустив волосы, преобразилась она прекрасно для радостного наслаждения, наподобие Венеры, входящей в волны морские³⁴, и, к гладенько выбритому женскому месту приложив розовую ручку, скорее для

того, чтобы искусно оттенить его, чем для того, чтобы прикрыть стыдливо: — На бой, — говорит, — на сильный бой! Я ведь тебе не уступлю и спины не покажу. Если ты — муж, с фронта атакуй и нападай с жаром и, нанося удары, готов будь к смерти. Сегодняшняя битва ведется без пощады!

И с этими словами она поднимается на кровать и медленно опускается надо мною на корточки; часто приседая и волнуя гибкую спину свою сладострастными движениями, она досыта накормила меня плодами Венеры Раскачивающейся; наконец, утомившись телом и обессиливши духом, упали мы в объятия друг другу, запыхавшиеся оба и изнуренные.

В таких и похожих на эту схватках провели мы ночь до рассвета, время от времени чашами прогоняя утомление, возбуждая вожделение и снова предаваясь сладострастию. По примеру этой ночи прибавили мы к ней других, подобных, не малое количество.

18. Случилось как-то, что Биррена весьма настойчиво попросила меня прийти к ней на небольшой дружеский ужин; я долго отказывался, но отговорки мои не были уважены. Пришлось, стало быть, обратиться к Фотиде и спросить у нее совета, как у оракула³⁵. Хотя ей трудно было переносить, чтобы я хоть на шаг от нее удалялся, тем не менее она любезно сооблаговостила заключить краткое перемирие в военных действиях любви. Но говорит мне: — Послушай, постарайся пораньше уйти с ужина. Есть у нас отчаянная шайка из знатнейших молодых людей, которая нарушает общественное спокойствие: то и дело прямо посреди улицы находят трупы убитых, а войска³⁶ наместника далеко и не могут очистить город от такой заразы. Судьба щедро наделила тебя своими дарами, а как с человеком дорожным, церемониться с тобой не будут, как раз и попадешь в ловушку. — Отбрось тревогу, моя Фотида, — отвечаю, — ведь кроме того, что наши утехы мне дороже чужих ужинов, я и страх твой этот успокою, вернувшись пораньше. Да и пойду я не без провожатых. Опоясавшись испытанным мечом своим, сам понесу залог своей безопасности.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТАМОРФОЗЫ, ИЛИ ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ <i>Перевод М. Кузмина, под редакцией С. Маркиша и А. Сыркина</i>	5
АПОЛОГИЯ. <i>Перевод С. Маркиша</i>	239
ФЛОРИДЫ. <i>Перевод С. Маркиша</i>	339
Комментарии. <i>С. Маркиш</i>	379

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/